

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.6.249.258>

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ВОЛЖСКИХ БУЛГАР В ТРУДАХ А. П. СМИРНОВА

© 2023 г. К.А. Руденко

Статья посвящена изучению научного наследия выдающегося советского археолога Алексея Петровича Смирнова, основателя научного направления в археологии Волго-Камья – болгаристики. Особый интерес вызывают научные труды ученого, ставшие классическими: «Волжские болгары» и «Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья» опубликованные, соответственно, в 1951 и в 1952 г. В первом, автор дает развернутую характеристику не только социально-экономическим и политическим событиям истории Волжской Булгарии в рамках формационного подхода, но и материальной культуре ее населения. Особенностью этой части исследования А.П. Смирнова является то, что здесь отсутствует типологическая классификация, хотя основные принципы ее А.П. Смирнов использует очень часто. Автор утверждает, что это было результатом проводившейся в СССР в 1930-е гг. «марксизации» археологической науки, где типологический метод был признан буржуазным и не пригодным для советской истории материальной культуры, как стали называть археологию. А.П. Смирнов, владевший типологическим методом, который разработал его учитель В.А. Городцов, сознательно ограничил его использование. При этом им достаточно удачно были применены результаты исследований 1920-х гг. его коллег-археологов – А.В. Арциховского, С.В. Киселева, В.В. Гольмстен и др., касавшиеся общего анализа предметного мира в контексте социальной истории. А.П. Смирновым в книге «Волжские болгары» были заложены основы дальнейших научных разработок его учеников в области болгаристики, например, Т.А. Хлебниковой. Эти подходы отразились и во втором труде А.П. Смирнова.

Ключевые слова: археология, А.П. Смирнов, Болгарское городище, Волжская Булгария, волжские болгары, Золотая Орда, материальная культура.

MATERIAL CULTURE OF THE VOLGA BOLGARS IN THE SCIENTIFIC WORKS BY A.P. SMIRNOV

K.A. Rudenko

The article considers the study of the scientific heritage of the outstanding Soviet archaeologist Aleksei Petrovich Smirnov, the founder of the scientific direction in the archaeology of the Volga-Kama region – Bulgaristics. Of particular interest are the scientific works of the researcher, which have become classic: "The Volga Bulgars" and "Essays on the ancient and medieval history of the peoples in the Middle Volga and the Kama regions" published in 1951 and 1952 respectively. In the first book, the author gives a detailed description not only of the social, economic and political events in the history of Volga Bulgaria within the formation approach, but also of the material culture of its population. The peculiarity of this part of A.P. Smirnov's research is that there is no typological classification here, although A.P. Smirnov uses its basic principles very often. The author claims that this was the result of the "Marxisation" of archaeological science carried out in the USSR in the 1930s, when the typological method was considered bourgeois and unsuitable for the Soviet history of material culture, as archaeology came to be called. A.P. Smirnov, well-versed in the typological method developed by his teacher V.A. Gorodtsov, deliberately limited its use. At the same time, he successfully applied the results of studies in the 1920s by his colleagues-archaeologists – A.V. Artsikhovskiy, S.V. Kiselyov, V.V. Goltmsten, and others, concerning the general analysis of the subject world in the context of social history. Smirnov, in the book "The Volga Bulgars", laid the foundations for further scientific developments of his students in the field of Bulgaristics, for example, T.A. Khlebnikova. These approaches were presented in A.P. Smirnov's second work.

Keywords: archaeology, A.P. Smirnov, Bolgar fortified settlement, Volga Bulgaria, the Volga Bulgars, Golden Horde, material culture.

Введение. Делом всей жизни археолога Алексея Петровича Смирнова (1899–1974) было исследование древностей волжских болгар и раскопки городища Великие Болгары. За достаточно короткий по историческим меркам промежуток времени им была создана научная система исследований поселенческих памятников болгарского Средневековья, выверенная методика изучения многослойных поселений со сложной стратиграфией, на базе Болгарской экспедиции и Казанского музея сложился коллектив профессиональных археологов, ставших ядром казанской археологической школы болгаристики (Руденко, 2023).

Труды А.П. Смирнова отличаются насыщенной фактологией, что придавало им фундаментальность и вызывало доверие коллег. Любой вывод или предположение обосновывались Алексеем Петровичем на многочисленных археологических данных: результатах раскопок или музейных коллекциях. Ученый вводил читателей в дискуссионное пространство археологической науки, акцентируя внимание на наиболее обоснованных сюжетах и мнениях. Совершенно бессмысленно искать сейчас «ошибки» и «недочеты» Смирнова, становясь на позиции дилетантского историографизма в одном желании – опровергнуть предшественников. Достаточно только познакомиться с археологическим знанием того времени по данной проблеме, количеством и качеством источников, учитывая как научную, так и внутривополитическую среду той эпохи, и глубина работ А.П. Смирнова станет очевидной.

Другое дело, что даже традиционные для археологии сюжеты, которыми изобилуют труды А.П. Смирнова, например, анализ поселенческих материалов, процедура датирования, характеристика материальной культуры эпохи и выделение ее особенных черт, имеют свои особенности построения, логику и своего рода архитектуру мысли.

Источники и методы. В центре нашего внимания будет раздел классической монографии А.П. Смирнова «Волжские болгары» (1951), связанной с болгарской материальной культурой. Более раннее его исследование «Очерки по истории древних болгар» (1940 г.) было нами подробно разобрано (Смирнов, 1940; Руденко, 2014, с. 473–477), и нет необходимости возвращаться к этому. По мере необходимости мы будем обращаться к

вышедшей годом позже «Волжских болгар» другой фундаментальной монографии Алексея Петровича – «Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья» (Смирнов, 1952).

Учитывая, что книга «Волжские болгары» стала первым опытом применения марксистской (формационной) теории к древностям Волжской Булгарии и одновременно экспериментальным исследованием на платформе новой советской истории материальной культуры, в корне отличавшейся от буржуазного вещеведения и дореволюционной археологической науки, важность этого анализа несомненна. Достаточно сравнить этот труд со штудиями А.Ф. Лихачева или В.Ф. Смолина по болгарским древностям, и мы увидим в трудах Алексея Петровича тщательно разработанный, зрелый исследовательский концепт, истоки которого мы постараемся выявить. Речь идет прежде всего об общепринятых в настоящее время и ставших традиционными исследовательских процедурах, таких как классификация, типология, без чего трудно представить практически любое археологическое исследование и публикацию материалов.

Полученные результаты. На долгие десятилетия монография А.П. Смирнова «Волжские болгары», написанная по материалам докторской диссертации, была настольной книгой для историков и археологов средневековой эпохи Волго-Камья. При этом заметной особенностью его книги является вещеведческая часть, где отсутствуют типологические построения и детальные описания артефактов. Это не случайно. Алексей Петрович был хорошо знаком с типологическим методом своего учителя В.А. Городцова, о чем свидетельствуют его публикации 1920-х – начала 1930-х гг., например, «Дондыкарское городище» (Смирнов, 1928). Однако опала, в которую попал Городцов в начале 1930-х гг., и общее отрицание «буржуазного вещеведения» (Равдоникас, 1930, с. 42–47; Белозёрова, Кузьминых, 2015, с. 55, 56) заставили Алексея Петровича исключить эту часть исследовательской процедуры и не применять ее в болгарских штудиях.

Его попытка в конце 1920-х гг., еще в начале компании за марксистскую археологию, вписать типологический метод в новую методологию и использовать ее для социологических построений была раскритикована В.И.

Равдоникасом – лидером борьбы за марксистскую историю материальной культуры в СССР, хотя вместе с тем Владислав Иосифович отметил, что А.П. Смирнов настроен «все же более критически и скептически к старой археологии» (Смирнов, 1928, с. 70; Равдоникас, 1931, с. 7). Археолог А.В. Шмидт также счел идеи А.П. Смирнова не марксистскими, хотя уже и не чисто буржуазными (Шмидт, 1932, с. 43).

Лозунг о «узости и неудовлетворительности старой вещеведческой археологии» стал в СССР программным на несколько десятилетий (Равдоникас, 1930, с. 13). В статьях соратников В.И. Равдоникаса, развивавших его атаку на старое вещеведение, например, М.Г. Худякова, повторялись идеи, что формальный, типологический метод буржуазен и не может использоваться советскими археологами в силу своей отсталости (Худяков, 1932, с. 22). Собственно, эти идеи заставили А.П. Смирнова описывать материальную культуру волжских булгар в интерпретационном ключе, что можно было рассматривать как методический прием, который отстаивали некоторые его коллеги, вышедшие из «типологической» школы В.А. Городцова (Гольмстен, 1932, с. 11).

К слову сказать, как явствует из писем Алексея Петровича послевоенного времени, он считал себя археологом-вещеведом и поддерживал стремление к этому и у своих коллег и учеников (Руденко, 2021, с. 136). Ярким примером является докторская диссертация Г.А. Федорова-Давыдова, ученика А.П. Смирнова, и изданная по ней монография с применением новой методики обработки археологического материала (Федоров-Давыдов, 1966).

В 1948 г., уже после Великой Отечественной войны, кампания против «буржуазного объективизма» вновь отодвинула практические вопросы исследований археологических артефактов на второй план (Руденко, 2021, с. 191). Археологическое вещеведение вплоть до 1960-х гг. по-прежнему оставалось в СССР темой политизированной и поэтому небезопасной.

Если в целом рассматривать вопрос о том, как представлялась материальная культура волжских булгар А.П. Смирновым в его труде «Волжские булгары», то нужно обратить внимание на следующие моменты. Во-первых,

классификация артефактов, как и элементы типологии, все же здесь присутствовали. Алексеем Петровичем выделялись категории предметов по их функциональному назначению, например, орудия производства (топоры, лемехá), украшения (браслеты, перстни и проч.), поскольку это было необходимо и диктовалось логикой изложения, хотя в целом ограничено. Внутри категорий изделия, если это можно было сделать, распределялись по материалу. Встречаются и упоминания того или иного конкретного типа изделий, например, металлических зеркал, которые описаны достаточно подробно (Смирнов, 1951, с. 116, 117). Краткость и стремление к сухости изложения у Алексея Петровича были связаны не с нежеланием разнообразить текст исследования, а, скорее всего, старанием избежать обвинения в эмпиризме и «эстетствующем формальном искусствоведении» (Равдоникас, 1930, с. 51–53).

Кстати, детальную морфологическую характеристику археологических изделий можно найти в других трудах ученого тех лет, причем иногда и со ссылками на «вещеведческие» публикации дореволюционного времени (Смирнов, 1952, с. 99, 213, прим. 3). Но в целом отсутствие разработанной типологии в этих разделах исследования Алексея Петровича, как уже было сказано, является отголоском директивных тезисов о «буржуазном вещеведении», звучавших в 1930-х гг.

Какие же приемы анализа использовал А.П. Смирнов в исследовании болгарской материальной культуры, отойдя от типологического метода В.А. Городцова? Главным ориентиром для него стал комплексный метод, предполагавший изучение вещей как результата производственных процессов с акцентом на реконструкцию жизни древнего общества и тех социальных движений, которые в нем происходили (Равдоникас, 1930, с. 30, 32). В рамках этого метода им применялся сравнительный анализ, метод аналогий и с конца 1940-х гг. – стратиграфический, сочетавшийся с планиграфическим анализом, базирующемся на методике вскрытия культурного слоя поселения единой площадью. Последний момент следует выделить, поскольку именно он противопоставлялся правилам полевых исследований в археологии в Российской империи, где раскопки осуществлялись шурфами и траншеями. Таким образом вели

раскопку археологи, работавшие в ТАССР в 1920-е годы – В.Ф. Смолин, А.С. Башкиров, И.Н. Бороздин и учившийся у них Н.Ф. Калинин. В.И. Равдоникас писал, что исследование широкими площадями «облегчает также стратиграфические наблюдения и дает целостное представление о памятнике, о смене отраженных в нем стадий культурного развития» (Равдоникас, 1930, с. 58).

В трудах Смирнова в подборе аналогий к средневековым изделиям нередко отсылки к ранним эпохам – раннему железному веку, Античности. Это делалось, чтобы подчеркнуть единство и устойчивость культурных традиций данного региона в разные эпохи. Это правило сформировалось в дореволюционной российской археологии как своего рода методический прием и сохранялось позже, например, в искусствоведческих штудиях, которые в 1930-е гг. также подверглись сильной критике (Равдоникас, 1930, с. 53–36). У А.П. Смирнова связующим звеном археологических эпох стала пьяноборская культура конца I тыс. до н. э. – начала I тыс. н. э., носители которой, как считал Алексей Петрович, вошли в состав Булгарского царства (Смирнов, 1951, с. 122).

В целом общая картина материальной культуры волжских болгар в трудах ученого, минуя стадию морфологического описания и типологического членения, сразу компоновалась в категории, близкие к политэкономическим, и представлялась отображением производительных сил феодальной общественно-экономической формации. Следуя этой логике, материальную культуру Волжской Булгарии он рассматривал как отрасль промышленности: городской, сельской; выделял импортные изделия, характеризующие торговые сношения с дальними странами, из которых Алексей Петрович выделял Китай и Хорезм (Смирнов, 1951, с. 116).

Кроме того, четко ощущалась стремление А.П. Смирнова представить основные виды ремесленной продукции, зафиксированные на болгарских памятниках, изготовленные непосредственно в Волжской Булгарии (Смирнов, 1951, с. 113, 117, 118). Отчасти это подкреплялось археологическим материалом, однако не все можно было доказать на основе имевшихся тогда данных, впрочем, как и сейчас. Это предположение А.П. Смирнова имело под собой не менее актуальную

подтему с политическим оттенком, связанную с противодействием буржуазной расовой теории.

Действительно, были ли разнообразные ремесленные изделия из Булгара местного производства или же они были импортными, а может быть, они появились здесь с пришлыми группами населения? Вопрос сложный. Советские археологи в 1930-е гг. сознательно ограничивали рамки научных гипотез и интерпретаций, чтобы исключить буржуазные идеи, такие как миграции, теории культурных кругов и культурных влияний и заимствований, как скрытую пропаганду расизма, о чем писал С.Н. Быковский – заместитель председателя ГАИМК, авторитетный в те годы (Быковский, 1934, с. 9).

Алексей Петрович не следовал в данном случае политической конъюнктуре – нельзя было отрицать очевидное: болгары на Средней Волге были пришлым народом, причем кочевым; наличие экзотичных артефактов (металлические зеркала, торевтика) явно указывало на их иноземный характер, то есть попали они сюда из тех мест, где их изготавливали массово: это страны Востока, включая Китай, а также Предкавказье (Смирнов, 1958). Более того, А.П. Смирнов утверждал, что в X в. болгары были своего рода центром связей с Востоком (Смирнов, 1951, с. 40, рис. 11). В этом контексте Алексей Петрович рассматривал и принятие ислама болгарской элитой в начале X в., подчеркивая, что это событие имело большое значение для приобщения болгарского населения к передовой в то время культуре Востока и отвечало новому феодальному строю болгарского государства (Смирнов, 1951, с. 40). Эта идея А.П. Смирнова присутствует и в современных штудиях многих казанских историков и археологов.

Внешние влияния на материальную культуру волжских болгар, несомненно, были: сам А.П. Смирнов считал, что определяющим было славяно-русское (Смирнов, 1951, с. 153–166). Эта тема имела в научном творчестве Алексея Петровича свою историю, связанную в том числе и с внутривосточной ситуацией в СССР в первые послевоенные годы (Руденко, 2021, с. 278, 280). По мнению А.П. Смирнова, также имело место и болгарское воздействие на окружающие народы (Смирнов, 1952, с. 220, 226), что, кстати,

в дальнейшем повлияло на появление идеи о «булгарской эпохе» в Прикамье.

Впрочем, сарматская гипотеза А.П. Смирнова, где булгары-пришельцы были сарматами, снимала ряд противоречий – в конечном итоге булгары-сарматы были автохтонами восточноевропейских степей, а в классический период истории Волжской Булгарии полиэтничный и многоконфессиональный булгарский народ имел связи с родственными племенами, прежде всего финно-угорского корня, с которыми булгары-сарматы к тому времени, собственно, и смешались (Смирнов, 1951, с. 27). Автохтонная теория в советской археологии 1930–1940-х гг. не была абсурдом; тогда она выступала как действенный механизм настройки марксистского подхода в советской археологии, несмотря на не всегда корректные способы его применения (Свешникова, 2009, с. 72). Для булгарских древностей она была гипотезой, которая смогла соединить историографическую традицию и новые археологические материалы в единую концепцию, причем на основе новой методологии. Стоит сказать, что и без формационной основы, как показывают исследования последних лет, гипотеза А.П. Смирнова вполне жизнеспособна.

Серьезной проблемой для археологических штудий 1930–1940-х гг. была хронология и датировка материалов. Разработанный принцип датировки артефактов, широко применявшийся как зарубежными, так и российскими дореволюционными археологами на основе типологических рядов (Равдоникас, 1930, с. 42–44; Генинг, 1982, с. 161–167), был раскрыт и отвергнут как буржуазный и неприемлемый в советской археологии: «датировка должна быть не формально-типологической, приводящей в лучшем случае к формальному историзму, а социально-исторической, с хронологическим определением изменения формы и содержания, социальной значимости (функции) предмета» (Мещанинов, 1932, с. 29). В целом, как верно отметил В.Ф. Генинг, речь шла о двух подходах к типологии и об ее задачах (Генинг, 1982, с. 164).

В публикациях 1950-х гг. Алексей Петрович подчеркивал важность придерживаться в хронологии общепринятой археологической схемы, в связи с чем выступил с критикой хронологии средневожских древностей В.В. Гольмстен, разработанной ею в 1923 г.

(Смирнов, 1952, с. 112). Он считал, что необходимо вернуться к традиционному методу аналогий, ссылаясь при этом на формально-типологическую разработку А.В. Арциховского «Курганы вятичей», вышедшую в 1930 г. (Смирнов, 1952, с. 129, прим. 1 и 2), хотя и подвергнутую разгромной критике в начале 1930-х гг. (Равдоникас, 1930, с. 62–67).

Впрочем, социологизм в исследованиях Алексея Петровича остался, поскольку, несмотря на разные подходы, исторические обобщения в них в любом случае должны были присутствовать. Так, например, по поводу булгарских городищ он писал, что они позволяют «проследить классовый характер населявшего их общества» (Смирнов, 1951, с. 28, 36). В данном вопросе Алексей Петрович, видимо, ориентировался на идеи С.В. Киселева 1920-х гг. (Свешникова, 2009, с. 82, 83).

Отметим, что социальная классификация булгарских городищ, намеченная А.П. Смирновым в начале 1950-х гг., была продолжена другими исследователями этой категории булгарских памятников в 1990–2000-х гг. (Руденко, 2014, с. 160). Из-за того, что большая часть известных булгарских городищ в то время в лучшем случае была обследована разведками, а многие еще не выявлены, то их обобщающая характеристика и выводы были своего рода предвидением, но достаточно точным. Отсутствие критериев для узкой датировки памятников привело к использованию широких хронологических рамок в определении их существования, как правило, в пределах исторических периодов – до монгольского нашествия и после (Руденко, 2022, с. 263), либо совмещения их, если памятник был многослойный, а также если подъемный материал был маловыразительным. В начале 1950-х гг. А.П. Смирнов отмечал, что разграничить материал с большинства булгарских памятников периода феодализма затруднительно (Смирнов, 1951, с. 4). По мере разработки датировок по стратиграфии Болгарского городища и выделения характерных комплексов как домонгольского, так и ордынского времени (Хлебникова, 1987) ситуация стала меняться.

Обсуждение. Строгая привязка археологических данных к историческим, точнее социологическим, построениям, характерная для труда А.П. Смирнова «Волжские булгары», дает массу интересных примеров исполь-

зования разработок его коллег в 1920-х гг. Так, утверждая, что производительные силы племен Среднего Поволжья к X веку достигли высокого уровня, он ссылается как на доказательства этого утверждения на большое количество находок сельскохозяйственных орудий этого времени, а также злаков, обнаруженных при раскопках (Смирнов, 1951, с. 35, 36). Эти признаки были обоснованы А.В. Арциховским и в дальнейшем поддержаны С.В. Киселевым, правда, на более ранних материалах (Арциховский, 1927; Свешникова, 2009, с. 108). Примечательно, что эта позиция была объектом самокритики А.В. Арциховского, А.П. Смирнова и С.В. Киселева в 1932 г. (Арциховский и др., 1932, с. 47). Тем не менее этот тезис стал основой обсуждения следующего вопроса – о болгарском землевладении.

Интересны описания болгарских жилищ, исследованных раскопками. А.П. Смирнов выделяет среди них жилища – землянки, полуземлянки, круглые в плане постройки, а также квадратные и прямоугольные с печками (Смирнов, 1951, с. 78). В данном случае А.П. Смирнов использовал метод этнографических параллелей, очень популярный в 1920-х гг. (Свешникова, 2009, с. 78–79). Этнографическим материалам А.П. Смирновым посвящен раздел в монографии 1951 г., а также часть главы о древних верованиях в книге 1952 г. (Смирнов, 1951, с. 75–86; Смирнов, 1952, с. 268, 269). Использовал он этот метод и в дальнейшем.

На момент написания монографии «Волжские болгары» болгарский керамический материал не был еще Алексеем Петровичем исследован детально. Предварительно он классифицировал его, в основном по цвету с учетом способа изготовления – гончарного и лепного. Ученый ссылался на систематизацию болгарской керамики самарского археолога В.В. Гольмстен, правда, в критическом ключе. С Верой Владимировной А.П. Смирнов не соглашался из-за ее утверждения, что круговая керамика у болгар – привозная, вероятно из Средней Азии (Смирнов, 1951, с. 130, 132). Он же считал ее местного производства. В круговой болгарской керамике А.П. Смирнов видел некоторые черты сармато-аланской посуды, например, в формах кринок, мисок. Несмотря на некоторые спорные заключения, общий вывод А.П. Смирнова о преемственности керамических традиций болгарских

домонгольских и ордынских, оказался верным (Смирнов, 1951, с. 136), что было доказано исследованиями болгарского гончарства и керамических изделий О.С. Хованской, Т.А. Хлебниковой и Н.А. Кокориной.

Подробно описаны А.П. Смирновым изделия из железа: сельскохозяйственные орудия, инструменты (топоры), ремесленный инструментарий, части конской упряжи, а также изделия из цветных металлов. Особое внимание было обращено на металлические зеркала, среди которых он, вслед за А.Ф. Лихачевым, выделял привозные: с изображением парных сфинксов (А.П. Смирнов считал их львами) и куфическими надписями, выполненные в Иране или под влиянием иранских образцов. В изображениях он видел влияние сасанидских традиций. Зеркала с изображением драконов он считал китайскими (Смирнов, 1951, с. 116).

Не потеряли своей актуальности идеи А.П. Смирнова о бронзовых миниатюрных замочках в виде животных – частая находка на поселениях эпохи Волжской Булгарии и Золотой Орды. В этом разделе без сомнения Алексей Петрович использовал труды дореволюционных исследователей – А.Ф. Лихачева, Н.Ф. Высоцкого, а также коллекции В.И. Заусайлова, С.В. Ешевского, Л.О. Сиклера, на что есть соответствующие ссылки в его исследовании (Смирнов, 1951, с. 129).

Идея А.П. Смирнова о том, что техника изготовления и декорирования изделий из кости и рога в Волжской Булгарии оказали влияние на финнов Прикамья, которые заимствовали у болгар эти приемы (Смирнов, 1951, с. 127), очень своеобразна. Любопытна приведенная Алексеем Петровичем аргументация: он отмечал, что на разных болгарских памятниках встречаются одинаковые костяные изделия, а в Прикамье – на каждом городище что-то особенное (Смирнов, 1951, с. 127), и из этого делалось заключение, что в последнем случае это свидетельствует о домашнем характере производства костяных изделий, а в первом – промышленном изготовлении. В ассортименте продукции болгарских косторезов были рукояти ножей и плеток, гребни, пуговицы, копоушки, булавы. Центры производства в Булгарии изделий из кости, по его мнению, Биляр и Булгар, причем с X в., как считал ученый, был выработан определенный стандарт изделий. На основании этого Алек-

сей Петрович предположил, что у болгар было профессиональное косторезное производство (Смирнов, 1951, с. 129).

Завершая исследование болгарской промышленности, А.П. Смирнов сделал вывод, что уже с X в. у болгар была дифференциация ремесел, при этом основными потребителями продукции высококвалифицированных ремесленников были жители Волжской Булгарии, в основном горожане. Алексей Петрович считал, что это может свидетельствовать об имущественном расслоении городского населения (Смирнов, 1951, 145, 146).

Стоит отметить еще один аспект исследований А.П. Смирновым материальной культуры волжских болгар. В своих трудах Алексей Петрович никогда не рассматривал вопрос о болгарской археологической культуре. Он считал, что понятие «археологическая культура» является методическим инструментом, необходимым только для изучения доклассового общества.

А.П. Смирнов писал: «Понятие «археологическая культура» в работах археологов имеет в значительной мере служебный характер и тесно связано с изучением первобытного общества. Термин культура [имеется в виду археологическая культура – *К.Р.*], в этом понимании, не может быть отнесен к рабовладельческому или феодальному обществу. Культура в применении к античному обществу, Ахеменидскому Востоку, Сасанидскому Ирану, Киевской Руси, Московской Руси имеет совершенно другой смысл, иное содержание. Термин культура, применяемый археологами, имеет отношение только к *доклассовому обществу* [выделено мной – *К.Р.*], и еще: «Понятие «археологическая культура», которым оперируют археологи в своих исторических построениях, имеет чисто служебную роль, помогая разрешить многие вопросы истории доклассового общества» (Смирнов, 1964, с. 3, 10). Позиция А.П. Смирнова, которую разделяли в этом плане советские археологи-медиевисты, правомерна и в настоящее время.

В исследовании А.П. Смирновым болгарской материальной культуры мы практически не встретим этнических «определений» артефактов, например, замков, браслетов или других поделок, которые другими исследователями были отнесены к изделиям «болгар-

ского типа», то есть исключительно присущих, так сказать, волжским болгарам. На наш взгляд, это было связано, с одной стороны, с объективной оценкой ученым материального мира Волжской Булгарии, с универсалиями массового производства на внутренний рынок и распространением предметов, типичных для этого времени в Восточной Европе, особенно в инструментарии и предметах вооружения, а с другой, – позволяло избегать историко-культурного этнологизма, как писали тогда, «пропитанного местным мелкобуржуазным национализмом» (Равдоникас, 1930, с. 49).

Заключение. Придерживаясь в целом марксистской доктрины в исследовании болгарской материальной культуры, А.П. Смирнов сумел совместить в своих трудах традиционные археологические процедурные начала в виде элементов классификации, типологических схем и достаточно органично введенных сюжетов исторического плана. Обусловленная эпохой и официальными предписаниями трактовка материальной культуры волжских болгар А.П. Смирнова тем не менее не явилась препятствием для эффективного использования разработок 1920-х гг. своих коллег в интерпретации болгарских артефактов.

В сущности, исследования Алексея Петровича в области болгарского вещеведения в монографии 1951 г. представляют собой сложный симбиоз методических и теоретических конструктов ранней советской эпохи, при этом сохранивших научную глубину и доказательность. В дальнейшем в трудах А.П. Смирнова происходило развитие этого приема, основанное на стратифицированных материалах Болгарского городища и других памятников волжских болгар как домонгольского, так и ордынского времени.

С первого взгляда может показаться, что исследования А.П. Смирнова по рассматриваемой теме – только реализация догм и правил советской эпохи, навязанных ученым-археологам правящим режимом. Однако обратим внимание на одну особенность монографии А.П. Смирнова 1951 г., как и предшествующей его работе 1940 г. «Очерки по истории древних болгар», – это отсутствие ссылок на труды классиков марксизма-ленинизма, в том числе и И.В. Сталина, как и на другого классика – Н.Я. Марра. Это встречалось в те годы нечасто (Свешникова, 2009, с. 125).

Алексей Петрович начинает цитировать классиков марксизма-ленинизма в своих публикациях (и далеко не во всех) с 1952 г. Например, в монографии «Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья» (1952) имеется одна ссылка на труды И.В. Сталина, пять ссылок на К. Маркса и Ф. Энгельса и одна ссылка на «Историю ВКП(б): краткий курс» (Смирнов, 1952, с. 5, 36, 37, 40, 147). Но в этой же монографии Алексей Петрович ссылается на репрессированного М.Г. Худякова (Смир-

нов, 1952, с. 20) и, причем неоднократно, на причисленных в 1930-е гг. к врагам советской археологической науки иностранных ученых, например, А.М. Тальгрена. Правда, эта книга вышла за год до вступления А.П. Смирнова в ВКП(б) – КПСС (Руденко, 2021, с. 351).

Стоит подчеркнуть, что реалии советской действительности и политическая конъюнктура никогда не заставляли А.П. Смирнова изменить стремлению к познанию научной истины. Его исследования по материальной культуре волжских булгар яркий тому пример.

ЛИТЕРАТУРА

Арциховский А.В. Социологическое значение эволюции земледельческих орудий // ТСС РАНИОН. Вып. 1. М.: РАНИОН, 1926. С. 123–135.

Арциховский А.В., Киселев С.В., Смирнов А.П. Возникновение, развитие и исчезновение «марксистской археологии» // СГАИМК. 1932. № 1–2. С. 46–48.

Белозёрова И.В., Кузьминых С.В. Жизненный и научный путь В.А. Городцова (по архивным документам и воспоминаниям) // Дневники В.А. Городцова. 1928-1944: в 2 кн. Кн. 1 / Отв. ред. П.Г. Гайдук, А.Д. Яновский. М.: Триумф принт, 2015. С. 12–72.

Быковский С.Н. Предисловие // Расовая теория на службе у фашизма / Ред. Г.И. Петров. М.; Л.: ОГИЗ, Гос. соц.-эконом. изд-во, 1934. С. 4–14.

Генинг В.Ф. Очерки по истории советской археологии (У истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии. 20-е – первая половина 30-х годов). Киев: Наукова думка, 1982. 225 с.

Гольмстен В.В. К разработке приемов исследования вещественных памятников // СГАИМК. 1932. №11–12. С. 11–14.

Мецианинов И.И. К вопросу о датировке археологических памятников // СГАИМК. 1932. № 5–6. С. 23–29.

Равдоникас В.И. За марксистскую историю материальной культуры / ИГАИМК. Т. 7. Вып. III/IV Л.: ГАИМК, 1930. 94 с.

Равдоникас В.И. О применении метода диалектического материализма к истории доклассового общества // СГАИМК. 1931. № 9–10. С. 5–32.

Руденко К.А. История археологического изучения Волжской Булгарии (X – XIII вв.). Казань: РИЦ «Школа», 2014. 768 с.

Руденко К.А. Казанские археологи в первые годы после Великой Отечественной войны (1945–1949) (по материалам переписки А. П. Смирнова и А. М. Ефимовой). Казань: Школа, 2021. 476 с.

Руденко К.А. Вопросы хронологии средневековых древностей Волго-Камья (историографический аспект) // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения: материалы XI Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции / под ред. М.А. Широковой, А.В. Иванова. Барнаул: Алт. ун-т, 2022. С. 261–265.

Руденко К.А. Археологическая школа булгаристики А.П. Смирнова в Татарской АССР (1930–1970-е гг.): формирование и развитие // У истоков советских археологических школ (1918-1950). Материалы Международной научной конференции / Отв. ред. И.А. Сорокина. М.: ИА РАН, 2023. С. 60–61 DOI: 10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-400-5.

Свешникова О.С. Советские археологи в поисках первобытной истории. Историческая интерпретация археологических источников в советской археологии 1930-1950-х гг. Омск: Наука, 2009. 203 с.

Смирнов А.П. Социально-экономический строй восточных финнов IX–XIII вв. // ТСТМ РАНИОН. Вып. 2. М.: РАНИОН, 1928. 275 с.

Смирнов А.П. Дондыкарское городище // Труды научного общества по изучению Вотского края. 1928. Вып. IV. С. 26–61.

Смирнов А.П. Очерки по истории древних болгар // Сборник статей по археологии СССР. Труды ГИМ. Вып. XI / Под ред. Д.Н. Эдинга. М.: ГИМ, 1940. С. 55–136.

Смирнов А.П. Волжские болгары / Труды ГИМ. Вып. XIX. М.: ГИМ, 1951. 277 с.

Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья / МИА. № 28. М.: АН СССР, 1952. 276 с.

Смирнов А.П. Армянская колония города Болгара // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. II / МИА. № 61 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1958. С. 330–359.

Смирнов А.П. К вопросу об археологической культуре // СА. 1964. № 4. С. 3–10.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: МГУ, 1966. 276 с.

Хлебникова Т.А. История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография // Город Болгар: Очерки истории и культуры / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1987. С. 32–88.

Худяков М.Г. К вопросу о датировке археологических памятников // СГАИМК. 1932. №№ 5/6. С. 21–23.

Шмидт А.В. О работах русских археологов по финнам // СГАИМК. 1932. № 3/4. С. 35–43.

Информация об авторе:

Руденко Константин Александрович, доктор исторических наук, профессор, Казанский государственный институт культуры (г. Казань, Россия); murziha@mail.ru

REFERENCES

Artsikhovskii, A. V. 1926. In *Trudy seksii sotsiologii Rossiiskoi Assotsiatsii nauchno-issledovatel'skikh institutov obshchestvennykh nauk (Proceedings of the Sociology Section of the Russian Association of Scientific Research Institutes of Social Sciences)* 1. Moscow: Russian Association of Scientific Research Institutes of Social Sciences 123–135 (in Russian).

Artsikhovskii A.V., Kiselev S.V., Smirnov A.P. 1932. In *Soobshcheniia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Bulletins of the State Academy of the History of Material Culture)* 1–2, 46–48 (in Russian).

Belozerova, I. V., Kuzminykh, S. V. 2015. In Gaidukov, P. G., Yanovskii, A. D. (ed.). *Dnevnik V.A. Gorodtsova. 1928-1944 (Vasily Alekseevich Gorodtsov's Journals. 1928–1944)* 2. Moscow: "Triumf print" Publ., 12–72 (in Russian).

Bykovsky, S. N. 1934. In Petrov, G. I. (ed.). *Rasovaya teoriya na sluzhbe u fashizma (Racial theory in the service of fascism)*. Moscow; Leningrad: "OGIZ" Publ., 4–14 (in Russian).

Gening, V. F. 1982. *Ocherki po istorii sovetskoj arkheologii (U istokov formirovaniia marksistskikh teoreticheskikh osnov sovetskoj arkheologii. 20-e – pervaiia polovina 30-kh godov) (Essays on the History of Soviet Archaeology (At the Origins of the Marxist Theoretical Background of Soviet Archaeology))*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Golmsten, V. V. 1932. In *Soobshcheniia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Bulletins of the State Academy of the History of Material Culture)* 11–12, 11–14 (in Russian).

Meshchaninov, I. I. 1932. In *Soobshcheniia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Bulletins of the State Academy of the History of Material Culture)* 5–6, 23–29 (in Russian).

Ravdonikas, V. I. 1930. *Za marksistskuyu istoriyu material'noy kul'tury (For Marxist history of material culture)*. Series: *Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Proceedings of the State Academy for the History of Material Culture)* 7 (III/IV). Leningrad: State Academy for the History of Material Culture (in Russian).

Ravdonikas, V. I. 1931. In *Soobshcheniia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Bulletins of the State Academy of the History of Material Culture)* 9–10, 5–32 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2014. *Istoriia arkheologicheskogo izucheniia Volzhskoi Bulgarii (X – nachalo XIII v.) (History of Archaeological Studying of Volga Bulgaria (10th — the Beginning of the 13th Century))*. Kazan: "Shkola" Publ. (in Russian).

Rudenko, K. A. 2021. *Kazanskie arkheologi v pervye gody posle Velikoi Otechestvennoi voiny (1945–1949) (po materialam perepiski A. P. Smirnova i A. M. Efimovoi) (Kazan Archaeologists in the First Years*

after the Great Patriotic War (1945-1949) (Based on the Correspondence of A.P. Smirnov and A.M. Efimova). Kazan: "Shkola" Publ.

Rudenko, K. A. 2022. In Shirokova, M. A., Ivanova, A. V. (eds.). *Evrasiystvo: teoreticheskiy potentsial i prakticheskie prilozheniya* (Eurasianism: theoretical potential and practical applications). Barnaul: Altai State University, 261–265 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2023. In Sorokina, I. A. (ed.). *U istokov sovetskikh arkheologicheskikh shkol (1918–1950)* (At The Origins Of The Soviet Archaeological Schools (1918–1950)). Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 60–61 (in Russian).

Sveshnikova, O. S. 2009. *Sovetskie arkheologi v poiskakh pervobytnoy istorii. Istoricheskaya interpretatsiya arkheologicheskikh istochnikov v sovetskoy arkheologii 1930–1950-kh gg.* (Soviet Archaeologists in Search of the Primeval History. The Historical Interpretation of Archaeological Sources in Soviet Archaeology in the 1930s-1950s). Omsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Smirnov, A. P. 1928. *Trudy seksii teorii i metodologii RANION* (Proceedings of the Section of Theory and Methodology of the Russian Association of Scientific Research Institutes of Social Sciences) 2. Moscow: Russian Association of Scientific Research Institutes of Social Sciences (in Russian).

Smirnov, A. P. 1928. In *Trudy nauchnogo obshchestva po izucheniyu Votskogo kraya* (Proceedings of the scientific society for the study of the Votyak lands) 4, 26–61 (in Russian).

Smirnov, A. P. 1940. In Eding, D. N. (ed.). *Sbornik statei po arkheologii SSSR* (Collection of articles in the USSR Archaeology). Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya (Proceedings of the State Historical Museum) 11. Moscow: State Historical Museum, 55–136 (in Russian).

Smirnov, A. P. 1951. *Volzhskie bulgary* (The Volga Bulgars). Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya (Proceedings of the State Historical Museum) XIX. Moscow: State Historical Museum (in Russian).

Smirnov, A. P. 1952. *Ocherki drevney i srednevekovoy istorii narodov Srednego Povolzh'ya i Prikam'ya* (Essays on the ancient and medieval history of the peoples of the Middle Volga and the Kama regions). Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 28. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Smirnov, A. P. 1958. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii* (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition) 2. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the USSR Archaeology) 61. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 330–359 (in Russian).

Smirnov, A. P. 19646. In *Sovetskaia Arkheologiya* (Soviet Archaeology) 4, 3–10 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki* (East-European Nomads under the Golden Horde's Khans: Archaeological Sites). Moscow: Moscow State University (in Russian).

Khebniikova, T. A. 1987. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki istorii i kul'tury* (City of Bolgar. Essays on History and Culture). Moscow: "Nauka" Publ., 32–88 (in Russian).

Khudyakov, M. G. 1932. In *Soobshcheniia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury* (Bulletins of the State Academy of the History of Material Culture) 5/6, 21–23 (in Russian).

Shmidt, A. V. 1932. In *Soobshcheniia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury* (Bulletins of the State Academy of the History of Material Culture) 3/4, 35–43 (in Russian).

Информация об авторе:

Rudenko Konstantin A. Doctor of Historical Sciences, Professor. Kazan State University of Culture and Arts. Orenburgsky Trakt St., 3, Kazan, 420059, Russian Federation; murziha@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2023 г.
Статья принята к публикации 01.12.2023 г.